

Щемелев Артем Владимирович

**ДУНАЙСКИЙ ВСАДНИК: СУЩНОСТЬ ФЕНОМЕНА И ОСОБЕННОСТИ ИКОНОГРАФИИ**

Статья посвящена описанию феномена так называемого Дунайского Всадника, который до сих пор остаётся малоизученным в российской историографии. Кратко охарактеризована источниковая база - каменные плитки и металлические таблички с изображением конного героя. Определены ключевые проблемы, стоящие перед исследователями памятников Дунайского Всадника, рассмотрены основные точки зрения историков по вопросу о происхождении культа и его значении, обозначены трудности, связанные с интерпретацией иконографии.

Адрес статьи: [www.gramota.net/materials/3/2015/8-3/58.html](http://www.gramota.net/materials/3/2015/8-3/58.html)

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2015. № 8 (58): в 3-х ч. Ч. III. С. 214-217. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: [www.gramota.net/editions/3.html](http://www.gramota.net/editions/3.html)

Содержание данного номера журнала: [www.gramota.net/materials/3/2015/8-3/](http://www.gramota.net/materials/3/2015/8-3/)

**© Издательство "Грамота"**

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: [www.gramota.net](http://www.gramota.net)

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: [hist@gramota.net](mailto:hist@gramota.net)

4. **Гридин А. В.** Мифы о Золотом Веке и непрерывной Традиции как социокультурное основание неоязычества [Электронный ресурс] // Журнал «Самиздат». URL: [http://samlib.ru/g/gridin\\_aleksej\\_wladimirowich/pagan.shtml](http://samlib.ru/g/gridin_aleksej_wladimirowich/pagan.shtml) (дата обращения: 10.09.2014).
5. **Здоровец Я. И., Мухин А. А.** Религиозные конфессии и секты. М.: Алгоритм, 2005. 288 с.
6. **Кавыкин О. И.** Конструирование этнической идентичности в среде русских неоязычников: автореф. дисс. ... к. ист. н. М., 2006. 24 с.
7. **Клейн Л. С.** Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества. СПб.: Евразия, 2004. 480 с.
8. **Компанеев А.** Языческие боги выходят из подполья [Электронный ресурс] // Атеистический сайт. URL: <http://www.ateism.ru/articles/russ02.htm> (дата обращения: 20.09.2014).
9. **Куликов И.** Определение понятия «неоязычество». Сущностные характеристики неоязычества [Электронный ресурс] // Тульский информационно-консультативный центр по вопросам сектанства. URL: <http://www.sektainfo.ru/znat/znat5.htm> (дата обращения: 22.09.2014).
10. **Накорчевский А. А.** Методологические основы и подходы к изучению украинского родноверия (рідновірство) // Религиоведение. 2008. № 2. С. 67-81.
11. **Расшифровка аудиозаписи интервью Б. А. Гасанова (волхва Богумила) Р. В. Шиженскому.** Г. Рязань. 17.08.2014. Из личного архива автора.
12. **Ситников М.** Идолы в долинах Москва-реки [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rusglobe.net/Sitnikov/idols.htm> (дата обращения: 22.09.2014).
13. **Черва В.** Неоязычество и молодёжная культура: в поисках новых религиозных и культурных ориентиров // Дифференциация и интеграция мировоззрений: философский и религиозный опыт: Международные чтения по теории, истории и философии культуры. СПб: ЭЙДОС, 2004. Вып. 18. С. 434-442.
14. **Шиженский Р. В.** Славянская неоязыческая диаспора на территории современной России (по данным сети Интернет) // Диалог государства и религиозных объединений в пространстве современной культуры: Междунар. науч.-практ. Конф. (21-22 октября 2009 г.) / Волгоград. гос. ун-т. Волгоград, 2009. С. 362-367.
15. **Шнирельман В.** Русское родноверие: неоязычество и национализм в современной России. М.: Издательство ББИ, 2012. 302 с.
16. **Щипков А.** Во что верит Россия. Религиозные процессы в постперестроечной России [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.baikal.net/POLITOLOG/SHIPKOW/religion.txt> (дата обращения: 21.09.2014).

#### WRITTEN SOURCES OF MODERN RUSSIAN PAGANS ACCORDING TO THE DATA OF FIELD STUDIES

**Shizhenskii Roman Vital'evich**, Ph. D. in History, Associate Professor  
**Shlyakhov Mikhail Yur'evich**, Ph. D. in History  
 Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University  
[heit@inbox.ru](mailto:heit@inbox.ru)

In the article on the basis of data obtained as a result of the questionnaire of the ordinary proselytes of modern pagan communities the specificity of the social composition of the participants of Kupala feast (sex, age, level of education, occupation, and place of residence) is considered. The authors also analyze a narrative source base, which is in the basis of the worldview of the followers of this cultural and sociopolitical phenomenon.

*Key words and phrases:* modern Russian paganism; diaspora; feast; community; scientific literature; questionnaire.

УДК 94(398)

#### Исторические науки и археология

*Статья посвящена описанию феномена так называемого Дунайского Всадника, который до сих пор остаётся малоизученным в российской историографии. Кратко охарактеризована источниковая база – каменные плитки и металлические таблички с изображением конного героя. Определены ключевые проблемы, стоящие перед исследователями памятников Дунайского Всадника, рассмотрены основные точки зрения историков по вопросу о происхождении культа и его значении, обозначены трудности, связанные с интерпретацией иконографии.*

*Ключевые слова и фразы:* Дунайский Всадник; Дакийский Всадник; религия; votивные рельефы; иконография.

**Щемелев Артем Владимирович**

Московский городской педагогический университет  
[artemvshchemelev@gmail.com](mailto:artemvshchemelev@gmail.com)

#### ДУНАЙСКИЙ ВСАДНИК: СУЩНОСТЬ ФЕНОМЕНА И ОСОБЕННОСТИ ИКОНОГРАФИИ<sup>©</sup>

Термин «Дунайский Всадник» принято употреблять для описания изображений II-IV вв., выполненных согласно определенной иконографической традиции на каменных плитках или металлических табличках. Название произошло от региона, который считается колыбелью этих традиций – Дунайских провинций Римской

империи. В историографии термин встречается как в единственном, так и во множественном числе («Дунайские Всадники»), поскольку очень часто композиция подразумевает изображение двух Всадников, похожих друг на друга, словно близнецы (однако стоит отметить, что наличие именно пары конников характерно не для всех памятников данного круга.) Реже в научной литературе можно встретить термин «Дакийские Всадники» [7]: по мнению некоторых специалистов, именно Дакия в период после ее завоевания римлянами «может считаться регионом наиболее древних, наиболее многочисленных и наиболее разнообразных памятников Дунайского Всадника» [22, vol. 2, p. 52]. Из Дакии культ распространился на обширную территорию дунайского бассейна.

Общей для всех памятников данного типа является фигура Всадника (Всадников). Но кроме того имеются многие другие персонажи: женщина, поверженные враги, участники неких обрядовых таинств и мистерий; часты также сцены погребальной трапезы, мужские и женские бюсты, изображения звезд, солнца, луны, змеи и других животных. Композиция рельефов бывает многосоставной: благодаря «разбивке» пространства на горизонтальные уровни представлено несколько различных сцен, сюжетов. Разнообразие персонажей позволило исследователям применить к характеристике дунайских рельефов термин *horror vacui* («боязнь пустоты»), стремление к избыточному заполнению пространства деталями [Ibidem, p. 84]. Однако общность сюжетов, повторяющихся от одного памятника к другому (с теми или иными изменениями или дополнениями), дает основание говорить о едином круге памятников, что было отмечено уже первыми исследователями [18, p. 4].

Археологические свидетельства дают возможность утверждать, что культ Дунайского Всадника был особенно широко распространен в римских провинциях Мезия, Дакия, Паннония. Отсюда ведут свое происхождение десятки описанных культовых рельефов (почти 90% от всех известных памятников [22, vol. 2, p. 51]).

Однако вне очерченной территории также встречаются находки изображений Дунайских Всадников. Так, например, в начале XX в. академик М. И. Ростовцев привел описание одной votивной таблички из долины Евфрата [18] (провинция Месопотамия на самой окраине Римской империи, с 198 г. имевшая статус колонии). А уже в наши дни памятники Дунайского Всадника были найдены в ходе раскопок в Бельгии (Галлия) в 2006 г. [14], Болгарии (Фракия) в 2010 г. [2] и др.

Факт обнаружения единичных находок вдали от основного региона массового распространения памятников, наряду с анализом техники изображений и деталей рельефов (стиль одежды Всадников и др.), позволяют многим исследователям с определенной уверенностью говорить о том, что приверженцами культа были военные дунайской армии Римской империи. Они сражались с варварскими племенами, а затем, в качестве ветеранов разъезжали по разным уголкам римского мира, чем и объясняются отдельные находки табличек Дунайского Всадника вдали от основного региона.

Известные науке памятники Дунайского Всадника дают возможность судить о примерном времени существования культа – не ранее начала II в. и не позднее IV в. Однако эти рамки довольно условны, и вопросы датировки остаются открытыми. Большинство же артефактов создано в III в., особенно в первой его половине [18, p. 3].

Приведем краткое внешнее описание источника. Это плитки из мрамора или камня с высеченным на них рельефом, либо металлические пластинки с гравировкой (свинцовые или бронзовые). Форма плиток разнообразна: они могут быть круглыми или овальными, почти квадратными или прямоугольными (последние наиболее многочисленны). Что касается размеров памятников, то здесь разброс довольно широк: высота металлических плашек в среднем 7-10 см, каменные плиты более массивны. До нашего времени дошли также изображения конников на геммах, в виде статуэток из терракоты, бронзы, меди. Однако их процент относительно общего числа находок чрезвычайно мал: так, в 1976 г. гемм насчитывалось 13, а статуэток 5, 4 и 1 соответственно (из 232 памятников, известных на тот момент) [22, vol. 2, p. 59].

Судить о предназначении данного вида источников можно лишь очень приблизительно. Рельефы, выполненные в форме эдикулы, вероятно, использовались в культовых целях на стенах святилищ, надгробиях. На некоторых металлических пластинках видны следы застежек, небольшие отверстия, как бы для подвески. Это говорит о возможном применении их для ношения на теле человека или на одежде [Ibidem, p. 64], в качестве амулетов [3, с. 172], филактерий [8, p. 69].

Общее количество памятников невелико: как упоминалось выше, корпус 1976 г. включает 232 известных на тот момент рельефов [22, vol. 2], и хотя с тех пор еще были сделаны единичные находки (напр.: [2; 16; 17; 21; 26] и др.), их число увеличилось в небольшой степени.

Предположительно памятники Дунайских Всадников связаны с отправлениями некоего культа, являясь отражением религиозных верований их создателей. К сожалению, данные о культе чрезвычайно скудны и в настоящее время о его сущности можно лишь строить догадки. Дискуссии о том, каковы были смысл и назначение изображений, начались во второй половине – конце XIX в., но до сих пор не получили своего завершения. Выяснение смысла и сущности изображений затруднено по многим причинам. Во-первых, памятники, в отличие от изображений Фракийского и Боспорского Всадников в подавляющем большинстве аэпиграфичны (свинцовые плашки с краткими надписями составляют редчайшее исключение [1, с. 146; 21]). Во-вторых, по этой причине довольно сильно осложнена их датировка. В-третьих, интерпретация иконографии сопряжена с рядом трудностей: разнообразие компонентов, представленных в композиции рельефов, порождает очень разные трактовки, вплоть до совершенно противоположных, противоречивых.

Первым обстоятельным трудом, посвященным культу Дунайского Всадника, стала диссертация профессора археологии Ясского университета Т. Антонеску [5], написанная в 1889 г. Она снабжена фотографиями известных на тот момент изображений (24 таблички). Антонеску высказал предположение о том, что Дунайские

Всадники-«близнецы» обязаны своим происхождением древнегреческим легендам о братьях Кабирах или близнецах Диоскурах. О связи культа с Диоскурами писал также французский исследователь Ф. Шапутье [6]; проведя анализ иконографии, он показал, что в памятниках Дунайского Всадника присутствуют заимствования многих элементов художественных традиций более раннего культа Диоскуров.

Первые исследователи феномена Дунайского Всадника еще не склонны полностью обособлять эти памятники от votивных плиток Фракийского Всадника. Так, в 1907 г. чешский историк, первый директор Археологического музея Софии В. Добруски составил обзор, посвященный проблемам Фракийского Всадника [1]. Здесь он привел фотографии нескольких рельефов, на которых изображение Всадников существенно отличается от традиционных фракийских, а также присутствуют новые персонажи (фигуры поверженных врагов, стол на трех ногах, женщина, держащая под уздцы коней и др.). Позднее было доказано, что дунайские таблички являют собой совершенно отдельный вид рельефов, но гипотеза о значительном влиянии на них фракийских традиций (иконографии Фракийского Всадника) имеет много сторонников (Э. Уилль [24, p. 89-103], М. Опперманн [13] и др.).

На культ Дунайского Всадника оказали воздействие митраистические представления и мистерии, что одними из первых отметили бельгийский археолог Ф. Кюмон [8; 9] и немецкий историк Ф. Саксл [19]. Действительно, широкое распространение культа Митры в дунайском регионе уже вполне доказано (так, в одной лишь Дакии найдено 250 памятников [23, vol. 2, p. 271-383] и др.). Рельефы, посвященные Митре, имеют сложную композицию в несколько ярусов, на них также присутствуют парные изображения вооруженных мужчин (однако, не Всадников), знаки луны и солнца, символизирующие цикличность времени, обряды священной трапезы, эпизоды мистерий и другие символы [9, vol. 2, p. 271-335].

Оригинальная точка зрения принадлежит известному румынскому исследователю академику В. Пырвану [15]. Он полагал, что в основе культа Дунайского конника могут лежать легенды о божествах Асвинах (в индуистской мифологии боги-близнецы, приносящие людям на колеснице солнечные лучи), а также об Утренней и Вечерней Звездах (в индуизме они заботятся о том, чтобы спасти моряков от кораблекрушения).

Изображение женщины может быть связано с кельтской богиней Эпоной, покровительницей лошадей и коневодства, что дает основания говорить о кельтских корнях дунайских памятников [10]. В современной историографии (Сербия, Словения) появляется ряд работ [25], в которых утверждается, что именно фигура женщины играет главную роль. Предположительно, она была солярным божеством – Луной, всадники при ней занимали подчиненное положение, а сам культ мог сформироваться под влиянием митраизма.

В отечественной историографии феномен Дунайского Всадника, к сожалению, не получил широкой разработки. Академик М. И. Ростовцев, будучи в эмиграции, предпринял подробное исследование на основе ряда доступных ему источников, многие из которых он опубликовал [18]. М. И. Ростовцев утверждал, что нельзя говорить ни о фракийских, ни о малоазийских истоках дунайских памятников, полагая, что эти корни – однозначно иранские, общие с памятниками культа Митры, что в свою очередь роднит их с традициями южной Руси [Ibidem, p. 20-21] (однако последнее предположение нашло немного сторонников [3, с. 171]). Особенности дунайских табличек рассмотрели в своих работах Е. М. Штаерман [4, с. 232-279], Ю. П. Калашник [3].

Е. М. Штаерман подробно останавливается на традициях почитания античных конных героев как таковых, уделяя значительное внимание феномену Дунайского Всадника, проблеме интерпретации отдельных элементов иконографии. По ее мнению, культ Дунайских Всадников был широко распространен на Рейне и на Дунае «среди туземной родо-племенной аристократии» в доримскую эпоху. С приходом римлян здесь формируется новое привилегированное сословие (солдаты, ветераны, романизируемая землевладельческая верхушка), которое приспособило поклонение прежним божествам к новым веяниям, диктовавшимся Римской империей [4, с. 247].

Касаясь истории изучения феномена Дунайских Всадников, нельзя не назвать имя румынского историка Д. Тудора, двухтомный труд [22] которого и сегодня не теряет своей значимости, являясь одним из фундаментальных исследований по данной тематике. Д. Тудором была собрана информация обо всех известных находках дунайского культа конников, а также даны их характеристика, анализ и интерпретация. Он научно обосновал систему классификации, предложив два её варианта: по иконографическим признакам и на основе материала, из которого созданы памятники [Ibidem, vol. 2, p. 84-98].

В современной румынской историографии продолжается активное изучение проблем, связанных с феноменом Дунайского Всадника, появляются попытки опровергнуть теорию о греческом или фракийском влиянии на культ дунайского героя. Анализ памятников доримской Дакии позволяет доказать, что основные мотивы и главные иконографические элементы (сочетание женской фигуры и двух конных персонажей рядом с ней, тема пары Всадников и др.) были известны здесь еще в более раннюю эпоху. Следовательно, Дунайские Всадники, будучи свидетельством религиозной жизни Дакии римского периода, все же являли собой продолжение «локальной мифологии» [20, p. 18].

Спустя почти тридцать лет после выхода труда Д. Тудора румынский историк С. Немети [11] и другие [12] подвергли критике отдельные результаты его научных изысканий, в частности, предложенную им классификацию. По их мнению, опора лишь на анализ иконографии не может служить достаточным основанием для полноценного исследования, необходимо учитывать также регион распространения памятников и, насколько возможно, установить центры их производства. С. Немети предложил собственную классификацию рельефов Дунайского Всадника, взяв за основу их форму и наличие урвней (регистров), на которые делятся изображения, а также материал изготовления [11, p. 208-209]. По мнению Немети, регионом происхождения культа должна считаться не Дакия, а Нижняя Мезия.

Таким образом, можно с уверенностью говорить о том, что памятники Дунайского Всадника представляют чрезвычайный интерес в контексте изучения религиозной традиции Балкано-Дунайских провинций Римской империи. Данный феномен практически не исследовался в отечественной историографии, однако представители зарубежной исторической науки сумели изучить некоторые важнейшие аспекты темы. Иконография Дунайского Всадника ставит перед историками множество нерешенных вопросов, приблизиться к пониманию которых можно лишь с привлечением обширного арсенала современной науки. На сегодняшний день неясны истоки культа Дунайского Всадника, нет единого понимания иконографии и трактовки сцен, представленных на рельефах, системы классификации памятников также существенно разнятся.

#### Список литературы

1. **Добруски В.** Тракийски конници и други божества-ездачи // Археологически известия на Народния музей в София. 1907. Кн. I. София. С. 99-150.
2. **Иванов М.** Equites Danuvini Serdicensis. Към въпроса за хронологията и разпространението на паметниците // Археология. 2011. Кн. 2. С. 123-127.
3. **Калашник Ю. П.** Херсонесский памятник культа Дунайских всадников // Труды Государственного Эрмитажа. СПб., 1997. Т. XXVIII. С. 167-173.
4. **Шгаерман Е. М.** Мораль и религия угнетенных классов Римской империи (Италия и Западные провинции). М.: Изд-во АН СССР, 1961. 320 с.
5. **Antonescu T.** Cultul Cabirilor în Dacia. Studiu arheologic și mitologic asupra unor monumente antice în mare parte inedite și descoperite în regiunile Istrului, cu XII tabele litografiate. Teză de licență. București, 1889. 260 p.
6. **Chapoutier F.** Les Dioscures au service d'une déesse. Paris: Édition de Boccard, 1935. 380 p.; 67 fig.
7. **Culianu I. P., Poghiric C.** Dacian Riders // Encyclopedia of Religion. Detroit: Thomson Gale, 2005. Т. 4. P. 2123-2124.
8. **Cumont F.** Les «Cavaliers danubiens» // Revue archéologique. 1938. Т. XI. P. 67-70.
9. **Cumont F.** Textes et monuments figurés relatifs aux Mystères de Mithra: 2 vols. Bruxelles: Lamertin, 1896-1899. Vol. 1. 337 p.; Vol. 2. 554 p.
10. **Lambrechts P.** Divinités équestres celtiques ou défunts héroïsés? // L'antiquité classique. 1951. Т. XX. P. 107-128.
11. **Nemeti S.** Sincretismul religios în Dacia romană. Cluj-Napoca: Presa Universitară Clujeană, 2005. 423 p.
12. **Nicolae M.-C.** The Iconography of the Antique Hero in the Balkan Area // Marisia: Studii și materiale. Târgu Mureș, 2011. Т. XXXI. Arheologie. P. 159-173.
13. **Oppermann M.** Thrakische und Danubische Reitergötter // Die Orientalischen Religionen im Römerreich. Leiden: Brill Archive, 1981. S. 510-538.
14. **Paridaens N.** Une plaquette aux «Cavaliers Danubiens» découverte à Merbes-le-Château (prov. Hainaut, Belgique) // Archäologisches Korrespondenzblatt. 2010. No. 40. P. 411-421.
15. **Parvan V.** Getica. O protoistorie a Daciei. București: Cvltvra Națională, 1926. 850 p.
16. **Popovič I.** Nouvelles icons de plomb des cavaliers danubiens de Sirmium // Starinar. 1988. No. 39-41. P. 116-117.
17. **Popovič I.** Une image datée des cavaliers danubiens // Mélanges de l'Ecole française de Rome. Antiquité. 1991. Vol. 103. No. 1. P. 235-245.
18. **Rostovtzeff M.** Une tablette votive thraco-mithriaque du Louvre. Paris: Imprimerie Nationale, 1923. 31 p.; 24 fig.
19. **Saxl F.** Mithras: Typengeschichtliche Untersuchungen. Berlin: Keller, 1931. 125 S.
20. **Spănu D.** Pre-Roman Divinities in Dacia – Appearances and Identities // Jupiter on Your Side. Gods and Humans in Antiquity in the Lower Danube Area. Bucharest, 2013. P. 13-22.
21. **Szabó A.** Dominus. Una nuova tavoletta di piombo dei cd. «Cavalieri Danubiani» dalla Pannonia // Dacia Felix. Studia Michaeli Bărbulescu oblata. Cluj-Napoca: Editura tribuna, 2007. P. 150-158.
22. **Tudor D.** Corpus Monumentorum Religionis Equitum Danuviorum: 2 vols. Leiden: Brill, 1969-1976. Vol. 1. 138 p.; Vol. 2. 309 p.
23. **Vermaseren M. J.** Corpus Inscriptionum et Monumentorum Religionis Mithriacae: 2 vols. Hagae Comitum: Martinus Nijhoff, 1956-1960. Vol. 1. 366 p., 238 fig.; Vol. 2. 448 p.
24. **Will E.** Le relief cultuel gréco-romain. Contribution à l'histoire de l'art de l'empire romain. Paris: Édition de Boccard, 1955. 492 p.
25. **Zotović L.** The Cult of Lunar Goddess or the Cult of Danubian Horseman // Starinar. 1999. No. 49. P. 63-75.
26. **Zubar V. M., Treister M. Yu., Strokova L. V.** Two Lead Plaques with a Depiction of a Danubian Horseman from the Collection of the National Museum of the History of the Ukraine // Ancient Civilizations. 2004. Vol. 10. No. 1-2. P. 67-76.

#### THE DANUBIAN HORSEMAN: ESSENCE OF THE PHENOMENON AND ITS ICONOGRAPHIC PECULIARITIES

**Shchemelev Artem Vladimirovich**  
Moscow City Teacher Training University  
artemvshchemelev@gmail.com

The article is devoted to the description of the phenomenon of the so-called Danubian Horseman, which is still little-studied in Russian historiography. The source base, which includes stone and metal tablets with the picture of the horseman, is characterized briefly. The author identifies the key problems that the researchers of the monuments of the Danubian Horseman face, considers the main points of view of historians on the issue of the origin and significance of the cult, and emphasizes difficulties connected with the interpretation of iconography.

*Key words and phrases:* the Danubian Horseman; the Dacian Horseman; religion; votive reliefs; iconography.